

Заключение

Разработанное в феноменологии воли понятие мотивации волевых актов позволяет Э. Гуссерлю анализировать феномен действующего субъекта, который вплетен в более широкий, неподдающийся логической формализации событийный контекст окружающего мира (*Umwelt*). Так понятый субъект не только изменяет мир, но и сам непрерывно изменяется, трансформируется, стремясь достигнуть ситуативного равновесия между интеллектуальными и эмоциональными актами. Ситуативность мотиваций подразумевает «спонтанность» и креативность действующего субъекта, которую невозможно «заковать» в чистые, статичные формальные законы, как невозможно заранее предугадать весь спектр возможных жизненных ситуаций. Однако когда Э. Гуссерль говорит об осуществляемом субъектом выборе «лучшего блага» и устанавливает канон априорных формальных и материальных законов, он стремится в максимальной степени ограничить и упростить сам этот контекст окружающего мира и строго очертить поле деятель-

ности субъекта. При этом формальная логика, как и всюду в рамках проекта научной этики, выступает в качестве «путеводной нити», благодаря которой можно приблизиться к «последнему источнику аналогий» между эмоциональными и познавательными актами и усмотреть сущность универсального разума, примиряющего в себе теоретические и практические деятельности, логические и аксиологические предметные сферы.

Таким образом, заявленная Э. Гуссерлем идея параллелизма логики и этики не была доведена до своего «логического конца»: «логический разум» в строгом смысле не параллелен разуму практическому, но является образцом для его спекулятивного конструирования. Реконструкция концептуальных и методологических предпосылок проекта научной этики с очевидностью свидетельствуют о том, что, по меньшей мере, на раннем этапе разработки феноменологического проекта практической философии Э. Гуссерль исходил из тех же предпосылок, что и при обосновании феноменологии как чистой логики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schuhmann K. Husserl-Chronik: Denk- und Lebensweg Edmund Husserls. — Den Haag: Martinus Nijhoff Publishers, 1977. — 221 S.
2. Spahn Ch. Phänomenologische Handlungstheorie. — Würzburg: Königshausen@Neumann Verlag, 1996. — 252 S.
3. Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914. — Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 1988. — 523 S.
4. Husserl E. Logische Untersuchungen. Erster Band. — Hamburg: Meiner Verlag, 1992. — 262 S.
5. Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07. — Dordrecht/Boston/Lancaster: Martinus Nijhoff Publishers, 1984. — 525 S.

Поступила 20.12.2006 г.

УДК 165.62

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОЧЕВИДНОСТЬ. ИСТОКИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ

И.Н. Инишев

Институт европейской культуры, г. Минск
E-mail: inishev@mail.ru

Рассматривается соотношение концепций интенциональности и очевидности в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Прояснение взаимосвязи этих концептов крайне существенно для экспликации неявных оснований трансформации первоначального дисциплинарно нейтрального феноменологического проекта в радикальную трансцендентально-философскую доктрину.

1. Введение

Как известно, публикация второго тома *Логических исследований* Эдмунда Гуссерля положила начало формированию феноменологии как радикальной философской концепции. Между тем собственную предметную область, особый исследовательский метод и, как следствие, известную степень самостоятельности и даже институциональный статус феноменология обрела лишь с выходом в свет другого программного труда Э. Гуссерля, — 1-го тома *Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии* (далее *Идеи*). Тем

самым окончательное оформление феноменологии в философскую доктрину совпадает с «трансцендентальным поворотом», произошедшим в феноменологических исследованиях Э. Гуссерля в 1904–1905 гг., т. е. вскоре после публикации *Логических исследований*. В этом отношении *Идеи* представляют собой литературное оформление этого поворота.

Тем не менее, *Логические исследования* и *Идеи* репрезентируют различные и, следовательно, относительно самостоятельные типы феноменологического философствования:

Логические исследования заключают в себе *аналитически-дескриптивную* феноменологию, понимаемую, прежде всего, как исследовательский метод, свободный от жесткой привязки к конкретному полю исследований. *Идеи* репрезентируют *конститутивную феноменологию*, феноменологию трансцендентального, т. е. «конституирующего смысл» сознания, обладающую всеми чертами сформировавшегося философского направления.

Несмотря на существенные различия в трактовке задач и предмета феноменологического исследования, обе эти работы, как полагает и сам Э. Гуссерль, образуют последовательность в рамках имманентного развития феноменологии сознания. Во *Введении* к 1-му тому *Идей* Э. Гуссерль касается вопроса о месте *Логических исследований* в развитии своей философии, характеризуя эту работу как «первый прорыв» чистой феноменологии [1. S. 4].

В нижеследующих заметках мы попытаемся эксплицировать некоторые мотивы трансформации феноменологии, первоначально понимаемой в качестве аналитически-дескриптивного *метода*, в трансцендентально-философскую *доктрину*, контуры которой задаются идеей конституирующего сознания и методическими процедурами трансцендентальных эпох и редукции. (Последние два термина нередко употребляются Э. Гуссерлем как взаимозаменяемые выражения. При этом Э. Гуссерль отдает явное предпочтение термину «редукция». В дальнейшем мы попытаемся продемонстрировать наличие оснований для систематического различения двух этих терминов, коренящихся в различии соответствующих методических процедур. Пока же можно только отметить, что редукция в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля выполняет две различные функции. Она выступает, с одной стороны, как способ подхода к предметному полю трансцендентально-феноменологического исследования — и в этом случае, возможно, более уместным было бы выражение «эпохе», — с другой стороны, как способ исследования самого этого поля.) Те мотивы, о которых пойдет речь в дальнейшем — отнюдь не биографического или социально-культурного свойства. Не обусловлены они и современным Э. Гуссерлю состоянием философских исследований. Не найти их и среди тенденций имманентного развития первоначальной феноменологической проблематики. Однако если и существует нечто, способное оказывать более сильное влияние на формирование философской позиции, нежели авторские предпочтения и научные конвенции современности, так это только власть языка и традиции.

Выдвигаемый нами тезис заключается в следующем: именно *характер взаимосвязи* гуссерлевских концепций интенциональности и очевидности индицирует внутренние метаморфозы в философском творчестве Э. Гуссерля при его переходе от аналитически-дескриптивной феноменологии «Логических исследований» к трансцендентально-

конститутивной феноменологии «Идей к чистой феноменологии».

В дальнейшем мы рассмотрим взаимосвязь интенциональности и очевидности как отношение фундирования, что предполагает наличие двух логических возможностей: 1) либо интенциональность составляет источник смысла очевидности, 2) либо очевидность задает определенную телеологическую перспективу определения интенциональности. В соответствии с этими двумя возможностями, мы попытаемся обосновать наличие в феноменологии Э. Гуссерля, по меньшей мере, двух сортов очевидности: 1) нормативная (или регулятивная) и 2) конститутивная очевидность.

Отсюда — два раздела: 2. Интенциональность и очевидность; 3. Очевидность и интенциональность.

2. Интенциональность и очевидность

2.1. Интенция значения и интенциональность

Концепции интенциональности и очевидности с самого начала образуют в феноменологии Гуссерля тесную взаимосвязь. Косвенным образом данная взаимосвязь проявляется в том, что обе эти концепции разъясняют друг друга. Еще раз заметим: динамика этой взаимосвязи, как нам представляется, является основополагающей для становления *идеи феноменологии*.

В § 2 второго тома «Логических исследований» сказано: «Мы хотим вернуться к *самим вещам*». В сфере развернутого во всей своей полноте созерцания мы хотим достичь *очевидности* (Курсив мой. — И.И.) в отношении того положения дел, что данное здесь в актуально осуществленной абстракции, по истине и действительно таково, каким оно полагается в значениях слов, которые выражают закон» [2. S. 6]. Таким образом, постулированное феноменологией возвращение «к самим вещам», выступающее формальной характеристикой ее принципиальной задачи, приводится в сопряжение с «очевидностью». Как нам представляется, в пределах первой части второго тома «Логических исследований» это сопряжение можно охарактеризовать следующим образом: феноменологические феномены (акты интенционального сознания и их предметные корреляты) *определяют* смысл подразумеваемой здесь очевидности. Очевидность же, со своей стороны, выступает по отношению к феноменологическим феноменам лишь как *квалификационная характеристика*.

В «Логических исследованиях» интенциональность обнаруживается впервые под именем «интенции значения». Эта последняя образует корреляцию с «исполнением значения»: то, что в интенции значения «всего лишь подразумевалось», с исполнением значения становится наглядно данным. В 1-м «Логическом исследовании» отношение интенции значения и исполнения значения имеет характер *конкретизации*, — в отличие от 6-го «Логическо-

го исследования», где данное отношение выступает уже как принцип *верификации*, т. к. здесь Э. Гуссерль исходит уже из противопоставления мнения и познания, а не двух модусов «данности» одного и того же. Однако то обстоятельство, что момент конкретизации вовсе не является необходимым, свидетельствует о том, что интенция значения, т. е. сигниативная интенция, лишенная всякой наглядности, обладает относительной автономией, из чего следует, что момент наглядности, или «данности во плоти», не «конститутивен» для интенции значения.

2.2. Интенция значения и феноменологическое понятие феномена

Как было замечено, «интенция значения» представляет собой первую терминологическую фиксацию обнаружившейся здесь (в 1-ом «Логическом исследовании») интенциональности. В данном пункте рассуждения Э. Гуссерля обладают одним важным методологическим преимуществом. В 1-м «Логическом исследовании» интенциональность, обнаруживаемая в качестве конститутивного основания речевого феномена, дана в *минимальной понятийной истолкованности*. Это объясняется тем, что само это исследование было нацелено не на ее экспликацию, а на аналитическую дескрипцию речевых актов.

Интенция значения, рассматриваемая за пределами специфически языкового опыта, удостоверяет себя в качестве конститутивного (т. е. трансцендентального) основания любого явления. В интенции значения — как в наполненной, так и в пустой — отношение к предмету всегда уже — так или иначе — осуществлено. «Предмет» в этом случае не подразумевает какой-либо индивидуальной вещи, составляющей часть действительности, — все равно: физической или ментальной. Предмет здесь — то, что в философской традиции именуется **субстанциальным**, обладающим принципиально иным способом данности, нежели любой из единичных объектов, — то, что Э. Гуссерль называет «предметным смыслом», сущностью или эйдосом. Как известно, интенцию значения Э. Гуссерль называет также «актом придания смысла». В таком случае «предмет» оказывается коррелятом этого акта, т. е. тем, что «придается», в направлении чего «одушевляются» так называемые «репрезентирующие содержания».

Следует также заметить, что в 1-м «Логическом исследовании» Э. Гуссерль достигает сферы феноменологических феноменов, не используя ни одной из основных составляющих своей трансцендентальной феноменологии (сознание, акт, интенциональное переживание, трансцендентальная редукция, эйдетическое усмотрение и т. д.). Таким образом, *поле феноменологических феноменов первоначально обнаруживается в рамках естественной установки*. При этом специфика феноменологических феноменов, как можно видеть, состоит в том, что они суть

нечто, что в пределах «спонтанного» восприятия обнаруживается раньше всего (следовательно, *сущее*) и притом как *сущность* соответствующей предметности. Попросту говоря, интенциональность конципируется в «Логических исследованиях» в ориентации на то, что Э. Гуссерль называет идеацией (или категориальным созерцанием). Причем *ориентация на понятие акта*, неявно заключающаяся в самом выражении «интенция значения», на наш взгляд, не получает соответствующего феноменологического удостоверения. Характеристика интенции значения как акта (который, как следует из самого слова, осуществляется всякий раз здесь и сейчас) указывает, скорее, на ее *ситуативность* как противоположность наличной данности. Так понимаемый феноменологический феномен — как по преимуществу и в *отличительном смысле являющееся* — и есть **очевидное** в строгом (феноменологическом) смысле.

Легко видеть, что *смысл очевидности* определяется здесь *интенциональностью* как интенцией значения. Очевидность в «Логических исследованиях» идентична тому, что Э. Гуссерль называет «самоданностью», конституируемой интенциональным отношением. Иными словами, очевидность выступает в роли *регулятивного* принципа, задающего перспективу дальнейших исследований. Строго говоря, — это *квалификационный* термин, указывающий на *приоритетность* и *автономность* сферы феноменологических феноменов. Интенциональность определяет очевидность *по существу*, т. е. абсолютно, или содержательно, в то время как очевидность характеризует интенциональность *по отношению* к «натуралистической установке». Косвенное свидетельство в пользу данной трактовки — отсутствие специальной теории очевидности вплоть до «феноменологического прояснения *познания*» в 6-ом «Логическом исследовании».

Таким образом, статус отдельной темы очевидности обретает лишь в *эпистемологической* перспективе.

3. Очевидность и интенциональность

3.1. Специальный смысл очевидности

Формальное, или квалификационное, понятие очевидности, специально Э. Гуссерлем не рассматривается. Помимо указанного места в «Логических исследованиях», этот принцип, как известно, упоминается в первой книге «Идей к чистой феноменологии» как «принцип всех принципов» (§ 24), и в «Картезианских медитациях» как «первый методический принцип» (§ 19).

В 6-ом «Логическом исследовании», посвященном феноменологическому «объяснению» познания (познание здесь истолковывается как интенциональная взаимосвязь), понятие очевидности обособляется и вместе с тем конкретизируется. Очевидность обретает здесь *нормативный* смысл, становясь основанием для различения мнения и знания.¹

¹ Весьма примечательна при этом двойственность выражения *Meinen* (немецк.): 1) интенциональное подразумевание и 2) мнение в противоположность истине

В этом разделе «Логических исследований» феноменологический анализ перемещается в совершенно иную плоскость, нежели та, в которой располагается задача дальнейшей тематизации только что открытого поля феноменологических феноменов. Разрабатываемая здесь проблематика обретает «региональный» смысл. Прежде эксплицированные феноменологические феномены выступают уже не в качестве самостоятельной темы, но лишь как средство разрешения старого теоретико-познавательного затруднения, неразрешимого, как полагал Э. Гуссерль, никаким иным образом: речь идет об инспирированной картезианской метафизикой проблеме дуализма бытия и мышления.

Теоретико-познавательную проблему Э. Гуссерль разрешает следующим образом. Он исходит из интенциональной структуры познания, воспроизводящей универсальную структуру восприятия. Речь идет, прежде всего, о взаимосвязи «пустого подразумевания» и «наполняющего» его созерцания. Истинностный характер этой взаимосвязи имеет «объективную» и «субъективную» сторону. Субъективная сторона (или сторона переживания) взаимосвязи сигнифитивной интенции значения и интуитивного исполнения значения именуется Э. Гуссерлем «синтезом совпадения», «объективная» сторона — «идентифицирующим синтезом». Коррелятом истины выступает очевидность, понятие которой в дальнейшем дифференцируется, образуя понятия адекватной и неадекватной очевидности.

Став коррелятом истины, очевидность, между тем, обрела *собственное содержание* в контексте ориентации феноменологического метода на идеал созерцательной полноты. Очевидность в этом эпистемологическом, *нормативном* значении проходит ряд ступеней, которые различаются по степеням наглядности или созерцательной полноты. Следует также сказать, что вместе с очевидностью *нормативный* статус обретает и корреляция интенции значения и исполнения значения, которая до этого имела характер необязательной конкретизации. Эта нормативная интерпретация очевидности имела на наш взгляд далеко идущие следствия для дальнейшего развития феноменологии Э. Гуссерля.

3.2. Нормативная очевидность и «искажение феноменологических данных»

В итоге нормативной (пере)интерпретации очевидности первоначальная предметная область феноменологического исследования (континуум феноменологических феноменов) существенно трансформируется, становясь, если можно так выразиться, двухуровневым образованием, а именно (1) совокупностью единичных объектов (вещей естественной установки), (2) рассматриваемых в аспекте своего трансцендентального генезиса.

Таким образом, очевидность в смысле созерцательной полноты начинает задавать телеологию для понимания самой интенциональной корреляции (трансцендентально-феноменологического смыслового фундамента действительности). Отправной точкой этих изменений служит тот момент, когда вопрос об истине адресуется самому феноменологическому познанию. Направляющей здесь оказывается идея феноменологии как «обоснования философии из последних источников» («Картезианские медитации»). Научный характер феноменологии конституируется нормативно истолкованным принципом очевидности: очевидность не как бытие самой вещи, а как определенный «способ данности», обладающий нормативным статусом. При этом интенциональность (феномен в феноменологическом смысле) оказывается уже не просто нередуцируемым основанием бытия «предмета», но она сама составляет *объект* наглядно верифицируемого познания.

Итак, общее направление в развитии проблематики соотношения очевидности и интенциональности выглядит следующим образом: от интенциональности как сферы очевидности к очевидности интенциональности (причем речь идет об очевидности в горизонте специфически познавательных задач). Вопрос о «созерцательной полноте» и «адекватной данности» переносится на саму интенциональность, т. е. сферу трансцендентального опыта, которая отныне объективируется². Моделью, задающей направление для подобной объективации, является акт, или переживание сознания (которое само представляет собой конститутивное образование).

Нормативное понятие очевидности (принцип созерцательной полноты) становится *конститутивной* основой самой интенциональности: взаимосвязь между коррелятами интенционального акта определяется в горизонте отношения созерцания и созерцаемого. Интенциональный анализ в поздней феноменологии Э. Гуссерля, т. е. так называемая экспликация горизонтных, или потенциальных интенциональных актов подразумевает континуальный «перевод» данного не наглядным образом, т. е. потенциально (в качестве имманентной трансцендентности) в модус актуальной, т. е. наглядной, наполненной чувственными содержаниями данности (это и составляет смысл абсолютной имманентности).

3.3. Очевидность и учение о трансцендентальной редукции

В заключение обратимся к упомянутому в начале различению трансцендентальных эпохе и редукции (редукция как метод подхода и метод тематизации).

В научном лексиконе выражение «редукция» имеет по большей части негативное звучание. Однако в трансцендентальной феноменологии Э. Гус-

² Следует также сказать о радикализации этой тенденции к объективации в связи с различением адекватной и аподиктической очевидности.

серля термин «редукция» как обозначение специфики трансцендентально-феноменологического метода характеризует методическую процедуру, а не ее результат. «Результат» трансцендентальной редукции не сокращение и сокрытие первоначального феноменального поля, а, напротив, его расширение и раскрытие. Редукция в трансцендентальной феноменологии имеет позитивный характер. Тем не менее, как нам представляется, феноменологическая редукция включает в себе и негативный (редукционистский) смысл. Речь идет, прежде всего, о телеологическом аспекте принципа очевидности (или наглядной данности), который оказал определяющее воздействие на формирование метода трансцендентальной феноменологии.

Итак, регулятивный и нормативный аспекты гуссерлевского понятия очевидности суть два полюса, в роли переходного звена между которыми выступает очевидность в смысле истины.

Первоначально, очевидность у Э. Гуссерля выполняет функцию формально-принципиальной характеристики интенциональности. Очевидность в этом случае идентична самоданности вещи. Она образует отличительную черту феноменологиче-

ского понятия феномена по отношению к «натуралистическому» понятию феномена. Так понимаемая (1) очевидность интенциональности (очевидность как эффект интенциональности) составляет источник (2) очевидности как когнитивного принципа, которая в свою очередь служит фундаментом (3) очевидности как телеологического принципа экспликации интенциональных связей.

В более широком историко-философском контексте, охватывающем феноменологические исследования в целом, основываясь на сказанном, можно было бы решиться на следующее замечание: в «Логических исследованиях» заключена возможность более радикальной трактовки феноменологического понятия феномена и эта возможность в значительной мере реализуется уже в ранних лекционных курсах М. Хайдеггера. М. Хайдеггер восприимчив к присущей феноменологической философии тенденции к формированию иного понимания научности. Об этом, например, свидетельствует первый лекционный курс М. Хайдеггера. В этом лекционном курсе он развивает идею феноменологии как «изначальной нетеоретической науки о фактической жизни».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologischen Philosophie. Erstes Buch // Husserl E. Gesammelte Werke, Bd. 5. — Hamburg: Meiner Verlag, 1992. — 452 S.
2. Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. I. Teil. Untersuchungen zur Phanomenologie und Theorie der Erkenntnis //

Husserl E. Gesammelte Werke, Bd. 5. — Hamburg: Meiner Verlag, 1992. — 529 S.

Поступила 20.12.2006 г.

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЯЗЫКА: ВИТГЕНШТЕЙН И ГАДАМЕР

Е.В. Борисов

Томский государственный университет
E-mail: evgeny_borisov@mail.ru

Рассматривается постановка проблемы правилосообразности в философии Л. Витгенштейна и проблемы нормативности в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. Демонстрируется структурный изоморфизм этих проблем и продуктивность герменевтического подхода к их решению.

1. Введение

Проблема правилосообразности, развернутая в поздних работах Л. Витгенштейна, может быть сформулирована в форме следующего вопроса: является ли правило, конституирующее ту или иную «языковую игру», чисто фактической регулярностью поведения членов соответствующего языкового сообщества, или же оно имеет нормативный характер и тем самым «противостоит» фактическим действиям как основание их оценки в качестве корректных или ошибочных? В первом случае

правило оказывается результатом индуктивного обобщения наблюдений за поведением акторов и действует только в рамках базиса этой индукции, т. е. теряет универсальный характер и автономию по отношению к сфере фактического. Во втором случае правило тематизируется как инстанция, внешняя по отношению к фактической (эмпирически наблюдаемой) деятельности, что позволяет описать его универсально-нормативный характер, но вместе с тем противоречит антиэссенциалистской направленности исследований Витгенштейна. На мой взгляд, интересное решение этой дилеммы со-